

П. Н. Базанов, Е. В. Бильченко, Т. Д. Богатырёв*

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ О ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА: КРИТИКА МОНАРХИСТА И. Л. СОЛОНЕВИЧА**

В статье дан обзор идейного наследия идеолога монархизма и публициста, Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953), посвященного творчеству самого знаменитого отечественного философа XX в. Николая Александровича Бердяева (1874–1948). Дискуссии о роли и месте философии Бердяева были распространены в Русском Зарубежье. Анализируется критика Солоневичем идейной позиции Бердяева по вопросу о роли интеллигенции в истории России. Особое внимание обращено на идейные выпады убежденного монархиста и яркого антикоммуниста Солоневича по поводу советофильской позиции философа в конце 1930 — начале 1940-х гг. Точка зрения Солоневича сравнивается с позицией философа И. А. Ильина. Солоневич считал Бердяева квинтэссенцией русской революционной и либеральной интеллигенции, а его имя использовал как нарицательное. Особенное внимание уделено регулярной перемене философом Бердяевым общественно-политических взглядов в интерпретации Солоневича. Критика бердяевских идей велась Солоневичем с позиций его идеологии «народной монархии» и «реалистического монархизма». Подчеркивается тенденциозность и политическая пристрастность Солоневича.

Ключевые слова: Русское Зарубежье, Н. А. Бердяев, И. Л. Солоневич, философия, история, критика, философия истории, русская эмиграция.

* Базанов Петр Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; Русская христианская гуманитарная академия; bazanovpn@list.ru

Bazanov Petr Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg State Institute of Culture; Russian Christian Humanitarian Academy; bazanovpn@list.ru;

Бильченко Евгения Витальевна — профессор, доктор культурологии, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; yevzhik80@gmail.com;

Bilchenko Evgenia Vitalievna — professor, doctor of cultural studies, associate professor, Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky; yevzhik80@gmail.com;

Богатырев Тимофей Дмитриевич — аспирант, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

Bogatyrev Timofey Dmitrievich — graduate student, Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00748, <https://rscf.ru/project/24-28-00748/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

P. N. Bazanov, E. V. Bilchenko, T. D. Bogatyrev
RUSSIAN EMIGRATION ABOUT THE PHILOSOPHY OF N. A. BERDYAEV:
CRITICISM OF THE MONARCHIST I. L. SOLONEVICH

An overview of the ideological heritage of the ideologist of monarchism and publicist, Ivan Lukyanovich Solonevich (1891–1953), dedicated to the work of the most famous Russian philosopher of the 20th century, is given. Nikolai Alexandrovich Berdyaev (1874–1948). Discussions about the role and place of the philosophy of Berdyaev were widespread in the Russian Diaspora. The criticism of Solonevich of the ideological position of Berdyaev on the role of the *intelligentsia* in the history of Russia. Particular attention is paid to the ideological attacks of the staunch monarchist and ardent anti-communist Solonevich about the philosopher's Sovietophile position in the late 1930s. — early 1940s. The point of view of Solonevich is compared with the position of the philosopher Ivan Ilyin. Solonevich considered Berdyaev the quintessence of the Russian revolutionary and liberal intelligentsia, and used his name as a common noun. Particular attention is paid to the regular change of socio-political views by the philosopher Berdyaev in the interpretation of Solonevich. Solonevich's criticism of Berdyaev's ideas was carried out from the standpoint of his ideology of "people's monarchy" and "realistic monarchism". The bias and political bias of is emphasized Solonevich.

Keywords: Russian Abroad, N. A. Berdyaev, I. L. Solonevich, philosophy, history, criticism, philosophy, history, Russian emigration.

Самым знаменитым русским философом XX в. был Николай Александрович Бердяев (1874–1948). Он прижизненно стал классиком философии экзистенциализма и персонализма. Его идейный противник, публицист и идеолог «народного монархизма» Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953), учился на юридическом факультете Петроградского университета, был репортером газеты «Новое Время», участвовал в Белом движении. Он не смог эмигрировать в 1920 г. и только в 1930-е гг. вместе с братом Борисом и сыном Юрием предпринял две попытки перейти финскую границу, последняя из которых оказалась удачной. После побега из заключения И. Л. Солоневич написал книгу «Россия в концлагере», разоблачающую карательную систему в СССР и ставшую бестселлером. Более всего Солоневич известен как идеолог «неомонархизма», основатель и первый редактор аргентинской газеты «Наша страна» и как автор неоднократно переиздававшейся книги «Народная монархия» [см. также: 1, с. 214–221; 357–360].

В Русском Зарубежье философии Н. А. Бердяева посвящены многие научные работы, рецензии и отзывы. О творчестве философа в целом положительно отзывались С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, Ф. А. Степун, Г. П. Федотов, С. Л. Франк и мн. др. С другой стороны, о нем крайне резко отзывались такие известные эмигранты, как И. А. Ильин, И. Л. Солоневич, Г. П. Климов и мн. др. Диаметрально противоположное отношение к личности Бердяева и его творчеству во многом связаны с его часто менявшейся общественно-политической позицией и непростой этикой. Философ и историк философии Н. О. Лосский прекрасно излагал бердяевскую этику, основанную на сочетании пресловутого «доброго зла» и «злого добра»:

«Этика Бердяева посвящена борьбе против несовершенного добра, выработанного в социальной жизни на основе объективации. Он изложил ее в книге "О назначении человека" и назвал свое учение "Опытom парадоксальной этики".

<...> Основной парадокс этики Бердяева заключается в том, что, согласно его учению, само различие добра и зла и возникновение оценок есть уже следствие падения, которое есть “обнаружение и испытание свободы человека”, ведущее к раскрытию “творческого призвания человека”. Опыт добра и зла возникает, когда иррациональная свобода ведет к отпадению от Бога: вслед за этим “мир идет от первоначального неразличия добра и зла через резкое различие добра и зла к окончательному неразличию добра и зла, обогащенному всем опытом различения”, к Богу и раю в Боге, стоящему “по ту сторону добра и зла”, пребывающему в Сверхдобрее [5, с. 97].

По Бердяеву,

«Царство Сверхдобра, Царство Божие проникнуто любовью ко всем существам, как святым, так и к грешникам. “Этика сверхдобра совсем не означает равнодушия к добру или злу, или снисходительности к злу. Она требует не меньшего, а большего”; она имеет в виду “освобождение и просветление злых” (О назначении человека. 1, 314). Поэтому подлинное нравственное сознание не может успокоиться, пока существуют злые, терзаемые адскими мукам» [5, с. 99].

Подобная концепция вызывала у оппонентов естественные упреки в социальном идеализме и идеализации зла.

Бердяеву постоянно припоминали, что он часто менял свои философские и общественно-политические взгляды и гипотезы. Его оппоненты беспощадно припоминали марксистские убеждения, переход в идеализм, возвращение в православие, богоискательство, экзотические религиозные взгляды, антикоммунизм 1920-х гг., оборончество 1930-х гг., принятие советского гражданства в 1940-е гг. И. А. Ильин так в специально написанной работе с символическим названием: «“Подвиг лжи” г. Бердяева»:

«Он не получил почти никакого образования, не кончил гимназию и не работал в университете. Он самоучка — дилетант, всю жизнь предававшийся своим выдумкам и относившийся к ним с страстным увлечением. Это увлечение не мешало ему, однако, выдвинуть каждые три-четыре года какую-нибудь новую выдумку и отстаивать ее с пеной у рта. Он начал, как и многие тогда, с марксизма, и, по-видимому, влечение к этой погибельной утопии возрождается в нем в его преклонном возрасте: “возвращается ветер на круги своя”. ... Все свои “эволюции” он проделывал, однако, не как скромный исследователь или искатель, а с помпой и треском тщеславного публициста. И куда бы он ни примыкал — к “идеалистам”, к “мистикам” или к православным богословам, — он всегда занимал крайнюю, крикливую, парадоксальную позицию. Он был всегда в высшей степени безответственным писателем. Считая себя пророчески одаренным “интуитивистом”, он на самом деле оставался умственным авантюристом: что-то почитает, что-то вычитает, подхватит, раздует, преувеличит, по-своему переиначит, исказит и разразится пучком безответственных и часто соблазнительных парадоксов. Таким он всегда был, таким остался и теперь» [4, с. 152].

Сравним данное мнение знаменитого философа-правоведа, гегельянца, профессора с суждением журналиста, публициста и признанного идеолога монархизма Солоневича, выраженное в «Народной монархии»:

«Приведу именно классический пример. Профессор Бердяев начал свою общественную карьеру проповедью марксизма и революции. Потом он — еще в 1910 году — “сменил вехи” и стал чем-то вроде буржуазного либерала. Потом он сбежал за границу и стал там “черной сотней”. Потом из “черной сотни” перешел в богоискательство. Потом из богоискательства — перекочевал на сталинский патриотизм. Я не знаю, куда успеет он перекочевать завтра и об какую ступеньку он ахнет своей убежденно хроническим катаром головы. Трагедия заключается в том, что все эти бердяевы, многоликие и многотомные, только повторяют свои старые, привычные пути: накидываются на любую цитату, лишь бы она была новой, или казалась новой, глотают ее не пережевывая и извергают непереваренной, остаются вечно голодными и со всех ног скачут по философским пастбищам Европы, подбирая каждый репейник и кувыркаясь через каждый ухаб. Совершенно ясно: бердяевы никогда и ничего не понимали, ибо всегда их вчерашнее понимание на завтра оказывалось вздором даже и для них самих. А завтрашнее окажется вздором послезавтра. Совершенно ясно, что ни вчера, ни сегодня у всех них не было за душой ни копейки своего, личного, органического, крепкого: все это были дыры в пустоту, кое-как заткнутые пестрыми тряпками из первой попавшейся сорной кучи» [9, с. 135].

В «Диктатуре слоя» Солоневич дает сходную оценку бердяевской позиции:

«Революционная деятельность профессора кончилась фарсом. Революционный фарс русской интеллигенции кончился трагедией. Да и сейчас перековка проф. Бердяева, бывшего марксиста, бывшего либерала, бывшего богоискателя, бывшего атеиста, бывшего монархиста и нынешнего сталиниста, — это все-таки фарс» [7, с. 42].

Откровенно издевались оппоненты над внешним обликом знаменитого философа. Даже физический недостаток Бердяева — нарушение речи в виде заикания — интерпретировался как объяснение экзотизма его творчества. И. А. Ильин отмечал:

«Все видящие его впервые бывают потрясены тем страшным нервным тиком, которым он страдает: этим чудовищным раскрытием рта с многократным вываливанием большого, белого языка и с судорожным подергиванием шеей и руками. Всякий на его месте мучительно стеснялся бы этого несчастного тика... Но Бердяев наоборот — всегда садится в общественных собраниях на самое видное место, лицом к публике, как если бы он нарочно хотел ошеломить и потрясти людей своей особой. Замечательно, что эта жажда импонировать читателю своими вывертами и вызывающе шокировать общее чувство общественного приличия — характерна и для всех его писаний и выступлений» [7, с. 153].

Ильина как философа-правоведа раздражало бердяевское отношение к сочетанию этического и юридического. Он протестовал даже против формулировки Н. О. Лосского: «Этику, которая видит только среднюю часть этого пути, т. е. только различие добра и зла, Бердяев называет этикою закона» (цит. по: [5, с. 98]).

Кроме термина «бердяевщина», в Русском Зарубежье употреблялись и другие личные прозвища Бердяева. Солоневич называл его «Бердяй», а в собирательном виде как символ революционной или эмигрантской интелли-

генции — «Бердяй Булгакович» или «Бердяй Булгакович Струве». Ильин же радостно доводил до читателя следующую информацию: «А в Москве ему давно уже дали приятельское прозвище “Белибердяева”» [4, с. 155–156]. Так же «Общество друзей Н. А. Бердяева», состоявшее из его поклонников, издевательски называли «Свято-Бердяевской духовной академией». Последнее легко можно объяснить завистью, что в 1938 г. философу по завещанию достался дом в городе Клармар недалеко от Парижа.

Основную критику Бердяева вызывало у Солоневича два обстоятельства. Во-первых, бердяевская оборонческая позиция (до и во время Второй мировой войны) и его совпатриотические убеждения. Во-вторых, философ был олицетворением и идеологом русской интеллигенции в формировании отечественной общественно-политической мысли. Солоневич, бежавший из СССР в 1934 г., ненавидел большевиков и был убежденным «пораженцем», при этом считал, что коммунистический режим нужно свергнуть при помощи иностранной интервенции. Он был сторонником белогвардейского лозунга «хоть с чертом, но против большевиков». Любой же союз же с гитлеровским нацистским режимом оказался как минимум попыткой «изгнания Люцифера при помощи Вельзевула». самого Солоневича немцы оценили за обличение советского режима в книге «Россия в концлагере», но в октябре 1941 г. отправили под домашний арест в провинцию за споры о дальнейшей судьбе России. В довоенном творчестве Солоневича есть даже комплименты в адрес политики фюрера А. Гитлера. Бердяев стал в 1930-е гг. убежденным «оборонцем», противником гитлеризма, который он воспринимал как воплощение мирового зла, что полностью противоречило его первоначальной антикоммунистической позиции 1920-х гг. Как удачно сформулировал Ф. А. Степун: «Так сама метафизическая позиция Н. А. Бердяева, его вера в религиозную природу зла, его убеждение, что большевицкий строй — “сатанократия”, повелительно требует от него решительной поддержки всякой борьбы против коммунизма, а в том числе и политической» [11, с. 313–314]. После начала Великой отечественной войны философ стал не просто защитником Родины, но и оправдывал с высоты своего авторитета коммунистический режим, «естественно присущий ему патриотизм достиг предельного напряжения». Бердяев последовательно вступил в «Союз советских патриотов», стал печататься в газете «Русский патриот» и даже в 1946 г. получил советский паспорт.

Оборонческую и «совпатриотическую» позицию Бердяева Солоневич комментировал в свойственной ему очень острой манере. Про бывшего «легального марксиста» оказавшегося в эмиграции ультрамонархист написал, припомнив и объявление большевиков — «сатанократией»: «Вчерашние марксисты, вроде П. Струве и Бердяева, ударились в мистицизм и говорят о “сатанинской власти” в России» [7, с. 14]. По поводу послевоенного возвращения на Родину, в СССР, бывший узник советских концлагерей прямо обвиняет своих политических оппонентов в лицемерии и ханжестве, при этом сравнивает их риторику с идеологами революции начала XX в.:

«Они, правда, хитренькие: они зовут людей возвращаться в СССР — но сами туда не едут. И из всех политических течений современности они избирают то, какое в данный момент платит максимальные гонорары. Так действовала и старая

русская интеллигенция вообще: была, конечно, великомученицей, но получала самые крупные гонорары во всем тогдашнем мире. Призывала к жертвам, но отдавала в жертву молодежь, “безусых энтузиастов”. Безусые энтузиасты в 1905 году шли на виселицу, а в 1945 — на возвращение в СССР — что то же самое. На этой молодежи властители дум — делали деньги в 1905 году — и делали в 1945, правда, в 1945 гораздо меньше, чем в 1905» [9, с. 135].

В книге «Диктатура слоя» Солоневич снова перечисляет многочисленные смены вех у Бердяева, сравнивая его с великим русским писателем И. А. Буниним, утверждает, что беспринципность — это родовой признак русской прогрессивной интеллигенции:

«На современных вершинах русской интеллигенции стоят, например, проф. Н. Бердяев и писатель И. Бунин. Бердяев начал свою общественную карьеру проповедью марксизма, потом стал буржуазным либералом, потом сбежал за границу, где перешел в ряды “черной реакции”, потом сменил вехи и стал на советскую платформу» [7, с. 23].

И далее Солоневич опускается уже для столь привычной для его публицистики народного образного ругательства:

«Все это можно объяснить и евангельской фразой: “вернется пес на блевотину свою”. Верхи русской интеллигенции так и сделали: вернулись на свою же революционную блевотину. Но можно объяснить и иначе: люди никогда ничего своего и копейки за душой не имели, и меняли свои интеллектуальные моды с такой скоростью, с какой уличная девка меняет своих воздыхателей» [7, с. 24].

Вышеприведенные цитаты в современной науке хорошо известны, но приводятся обычно по отношению к И. А. Бунину, но, как видно из процитированных отрывков первым упоминается именно Бердяев. Подобные эскапады характерны для публицистики Солоневича, его идеологическому гневу подвергались не только противники, но даже и преданные сторонники. Особенно интересно и примечательно читать у убежденного и фанатичного монархиста рассуждения, причем с ругательствами в стиле ультракоммунистического историка М. Н. Покровского по адресу царя Петра I, цариц Екатерины I и Екатерины II. Бунину посвящена целая статья с символическим названием «Вопрос о блевотине» напечатанная в № 10 газеты «Наша страна», но там есть и принципиальная фраза: «на большевистскую сторону стала русская философия в лице Н. Бердяева» [6, с. 138]. Все это укладывается в узкопартийное сектантство «Российского народно-монархического движения» (последняя политическая организация Солоневича, послевоенное продолжение «штабскапитанского» движения), вещавшего: все, кто не монархисты-кирилловцы-легитимисты, — тайные или явные большевики. Нужно понимать, что Солоневич был сторонником т. н. «монархического реализма» — правого эквивалента «социалистического реализма» в науке, литературе и культуре. «Монархический реализм» требовал, чтобы в каждом художественном произведении — прозаическом или поэтическом — должна быть пропаганда царского строя. То же должно быть в научных исследованиях — гуманитарных и социальных. Жалко только, что Солоневич и его сторонники не написали: должна ли быть про-

паганда монархизма в технических и биологических работах, как дописались в 1920-х гг. левые коммунисты в СССР.

Для Солоневича Бердяев — олицетворение «ордена русской интеллигенции» и ненавистной российской профессуры — профессионального клана ученых. Сам Иван Лукьянович начинал как провинциальный журналист, учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, был учеником (по его словам) знаменитого экономиста профессора М. И. Туган-Барановского. Вместе с тем, он так остался газетным репортером из провинции. Хотя его отец сумел выбиться в журналисты и еще в мелкие чиновники еще до 1917 г. К тому же Солоневич произвольно смешивал представителей русской интеллигенции с интеллектуальным служилым сословием Российской империи. Критика «ордена русской интеллигенции» сочеталась с борьбой с любыми эмигрантами из России более левых взглядов:

«У русского профессора Бердяева не осталось ничего, кроме органов усидчивости, которые он кое-как унес из пожара, зажженного им самим. Здесь провал полный, абсолютный, стопроцентный. Провал, после которого при малейшем запасе совести и совестливости надо бы надеть покаянное рубище, пойти в Каноссу и заняться там подметанием уборных. Но русская профессура рубища не надела, в Каноссу не пошла и уборных, к сожалению, не подметает. Она продолжает пророчествовать. Она продолжает давать научные прогнозы» [7, с. 156–157].

Объяснение такого поведения у Солоневича самые прозаические. Надо отметить, что распространенный прием всех публицистов-популяризаторов — писать о сложных проблемах с точки зрения житейской, бытовой логики:

«Репортеры получают свои гонорары, а Бердяевы ходят в искателях истины: “сложная натура, исполненная трагических противоречий бытия”. “Неутомимый борец с пошлостью окружающего мещанского мирозерцания”. “Бесстрашные мысли, не останавливающиеся перед отрицанием глубочайших бытийственных основ мироздания”. И вообще, поиск истины. Старая история: Я сжег все, чему поклонялся, — Поклонялся всему, что сжигал. Тайна этих все소жжений объясняется слегка по-марксистски. Талдычит какой-нибудь Бердяев десять лет об одном и том же — и начинает надоедать. И забывается. Операция омоложения идей становится настоящей потребностью» [8, с. 264].

Ненависть к интеллигенции прорывается у убежденного антикоммуниста даже в оправдании большевистского террора в его главной идеологической книге «Народная монархия»:

«Эта интеллигенция — книжная, философствующая и блудливая, — слава Богу, почти истреблена. Но, к сожалению, истреблена не вся. Она отравляла наше сознание сто лет подряд, продолжает отравлять и сейчас. Она ничего не понимала сто лет назад, ничего не понимает и сейчас. Она есть исторический результат полного разрыва между образованным слоем нации и народной массой. И полной потери какого бы то ни было исторического чутья. Она, эта интеллигенция, почти истреблена. Но “дело ее еще живо”, как принято говорить в таких исторических случаях: гной ее мышления еще будет отравлять мозги и будущих поколений. И ее конвульсивные прыжки от Маркса к Христу и от Христа снова к Сталину — будут еще вызывать подражание в тех юных профессорах, которые идут на смену пове-

шенным и повесившимся. Сифилис заразителен. Но точно так же была заразительна пляска Святого Витта: начинает дергаться одна истеричка, и за ней дергаются тысячи. Начинает “менять веки” один Бердяй Булгакович, за ним извиваются и остальные. Со всем этим мы покончим очень еще не скоро. Ибо если ничему не научила даже и Чрезвычайка, то что еще может научить людей, вся духовная мощь которых сконцентрирована в их органах усидчивости?» [9, с. 135–136].

В другом месте Солоневич уже сам обвиняет философа в оправдании террора, «как наш Бердяев начал с призыва: вперед к чрезвычайке!» [9, с. 196]. Правда, идеолог монархизма ни на что не ссылается, но это его стиль изложения, он всегда писал, что не может достать нужные русские книги в Германии, в Аргентине, в Уругвае.

Впрочем, во взглядах Солоневича и Бердяева были общие моменты. Оба негативно относились к деятельности Петра I, а оценка основывалась на живучих стереотипах [2, с. 1–3].

Особый негатив у Солоневича вызывает желание бывших революционеров-интеллигентов перевести ответственность за Революцию 1917 г. на русский народ и наш национальный характер:

«Со своей сумасшедшей головы они валят на русскую здоровую голову и нынче пытаются нырнуть в подворотню “нового средневековья” — и новой философии — “философии неравенства” — так озаглавлены два эмигрантских тома Николая Бердяева, одного из основоположников нашего марксизма. Не очень трудно догадаться о том, что неравенство по средневековому масштабу будет той же шигалевщиной, только переодетой в рясу великого инквизитора» [8, с. 286].

Вместо своей моральной ответственности за революцию и пропаганду коммунистических идей до 1917 г. представители революционной интеллигенции валят всю вину за строительство социализма на послереволюционную молодежь в СССР: «Какой-нибудь Бердяй Булгакович Струве такими словами поносит этих комсомольцев, как если бы он-то уж тут был совершенно ни при чем. Как будто не он десятками лет призывал русскую молодежь ко всему, что наконец и наступило...» [8, с. 287]. Проходится православный мыслитель-монархист и по «сатанократии» философа:

«Бердяи разных разновидностей ищут разных объяснений — кроме, разумеется, самих себя. В зависимости от высоты гонимых ищут вину: в евреях, в немцах, в некультурности масс, в наследии проклятого царского режима, в изверстве большевиков, в таинственной славянской душе, в еще более таинственной исторической стихии и, наконец, даже и в Дьяволе — в самом настоящем, всамделишном Дьяволе — хотя и без рожек и хвоста, но в Дьяволе. И советская власть так и именуется “сатанинской властью” — именуется теми людьми, которые еще лет тридцать-сорок тому назад визжали от восторга при каждом наступательном шаге великой и бескровной» [9, с. 136].

Солоневич бурно и резко полемизирует с бердяевскими идеями. Особенно во всем, что касается русской монархической государственности: «У нас никогда не было идеологии государственной... Русский дух не может признать верховенства государственной идеи... Русским людям присущ своеобразный

анархизм” (Николай Бердяев. “Новое Средневековье”, стр. 88)» [9, с. 151]. Это про народ, создавший самую большую империю в мире. Про государство, которое с момента своего образования в IX в. было самым большим в Европе. Про имперский симбиоз народов Евразии, во главе с русскими, отбившихся от всех иноземных завоевателей. В критике Солоневича так и чувствуется вопрос: «Интересно, Н. А. Бердяев хотя бы учебник русской истории читал?». Русский простой человек, по Солоневичу, изначально умнее и мудрее всех философов-интеллигентов:

«Это Бердяевы могут менять вехи, убеждения, богов и издателей, мужик этого не может. Бердяевская ошибка в предвидении не означает ничего — по крайней мере, в рассуждении гонорара. Мужичья ошибка в предвидении означает голод. Поэтому мужик вынужден быть умнее Бердяева. Поэтому же капитан промышленности вынужден быть умнее философов. Оба этих деловых человека вынуждены быть **честнее** философов, историков, социологов и прочее: они сталкиваются с миром реальных вещей и реальных отношений — как сталкиваются с ними и представители точных наук, и каждая ошибка состоит из потерь или разорении. Можно выпустить на литературный рынок **любую** теорию — анархическую или порнографическую, утопическую или вовсе сумасшедшую» [9, с. 186].

Солоневич отказывает лидерам дум интеллигенции в праве предсказывать грядущее и указывать, как развиваться России и ее народам. Мало того, он утверждает, что Бердяев и другой его идейный враг, профессор П. Н. Милюков, не знают, не понимают и не могут познать российского прошлое и будущее:

«Во всяком случае, такие величины первого ранга, как проф. П. Милюков и проф. Н. Бердяев что-то, кажется, должны были бы знать о “массе”, которая “решает историю”, или, по крайней мере, “делает историю”, — ту историю, которую эти люди изучали профессионально. Проф. Бердяев начал свою научную карьеру с проповеди марксизма, потом перешел в монархизм и призывал возвратиться к феодализму — и, пока что, закончил сталинизмом. В промежутках он разыскивал разных богов — кажется, не нашел ни одного долговременного. Проф. Милюков совершал колебания менее широкой амплитуды: он всю свою жизнь нацеливался на министерский пост, а когда с этого поста “масса” его вышибла, то она оказалась “некультурной”, “отсталой”, политически безграмотной и вообще несозревшей для тех рецептов, которые ей давали: Бунин, Бердяев, Милюков, Керенский, Ленин, Троцкий, Сталин, Бухарин и еще человек пятьсот» [7, с. 76].

Солоневич делает вывод о своем отношении к интеллигентскому теоретизированию и философствованию:

«Очень трудно понять, что полуторастамиллионный народ никак не мог угнаться за этими калейдоскопическими сменами мод, философий, рецептов, программ, отсебятины и блуда. Не мог — если бы и хотел. Но он и не хотел. В одной из своих книг, посвященных рождению, жизни и гибели философствующей интеллигенции, я предложил такую эпитафию на ее могилу: “Здесь покоится безмозглый прах жертвы собственного словоблудия» [7, с. 24].

Подобное отношение к идеям знаменитого русского философа Н. А. Бердяева была не единичной. Можно выделить позицию И. А. Ильина по отношению

отрицательной рецензии на книгу «О сопротивлении злу силою». Публичный ответ получил символическое название «Кошмар Н. А. Бердяева» [3, с. 2–3]. Куда более убийственным для бердяевской репутации было мнение И. А. Ильина в статье «“Подвиг лжи” г. Бердяева»:

«В дореволюционной России его принимали всерьез только совсем наивные люди. Все знали, что Бердяев возьмется доказывать, то он непременно исказит, скомпрометирует и погубит. Известно, что проф. Новгородцев отказался допустить его к магистрантскому экзамену. Один ученый сказал про него: “Когда Бердяев пишет о том, что я изучал и знаю, то я всегда слышу неосновательный вздор; я думаю, что он несет такой же вздор и в тех вопросах, которые я не изучал”» [4, с. 55–156].

Критика И. Л. Солоневичем философии Бердяева чрезвычайно ангажирована. Солоневич был не просто идеологом неомонархизма — «народного монархизма», — он с позиций своей доктрины предъявлял требования не только к политическим деятелям, но к представителям науки, литературы и культуры. Отношение к Бердяеву было в Русском Зарубежье самым разнообразным — от поклонения до полного негатива. Отношение Солоневича сравнимо с позицией И. А. Ильина и более всего с скандальным писателем и публицистом Г. П. Климовым. Для Солоневича философ Н. А. Бердяев — воплощение беспринципности русской революционной и либеральной интеллигенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 2008. — 468 с.
2. Базанов П. Н. И. Л. Солоневич и его отношение к петровским реформам // И. Л. Солоневич — идеолог Народной Монархии. — СПб., 2011. — С. 1–3.
3. Ильин И. А. Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона // Возрождение. — Париж, 1926. — 29 окт., № 524. — С. 2–3.
4. Ильин И. А. «Подвиг лжи» г. Бердяева // Ильин И. А. Собр. соч. [Доп. Т. 6]: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). — М., 2001. — С. 152–156.
5. Лосский Н. Философия Н. Бердяева // Вестник РХД. — 1978. — № 124. — С. 89–108.
6. Солоневич И. Вопрос о блевотине // Солоневич И. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М., 2003. — С. 133–142.
7. Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес, 1956. — 176 с.
8. Солоневич И. Л. Народная монархия. — М., 1991. — 512 с.
9. Солоневич И. Л. Наши интеллигенции // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. — М., 2008. — С. 253–289.
10. Степун Ф. По поводу Письма Н. А. Бердяева. («В защиту христианской свободы» в редакцию «Современные Записки») // Современные записки. — 1925. — № XXIV. — С. 304–320.

REFERENCES

1. Bazanov P. N. (2008) Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988 gg.) [Publishing activities of political organizations of Russian emigration (1917–1988)]. — 2-ye izd. isp. i dop. — St. Petersburg. — 468 s. — (In Russian)
2. Bazanov P. N. (2011) I. L. Solonevich i yego otnosheniye k petrovskim reformam [I. L. Solonevich and his attitude to Peter's reforms] In: I. L. Solonevich — ideolog Narodnoy Monarkhii. — St. Petersburg. — S. 1–3. — (In Russian)
3. Il'in I. A. (1926) Koshmar N. A. Berdyayeva. Neobkhodimaya oborona [Nightmare of N. A. Berdyayev. Necessary defense] In: Vozrozhdeniye. — Parizh. — 29 okt. — № 524. — S. 2–3. — (In Russian)
4. Il'in I. A. (2001) «Podvig lzhi» g. Berdyayeva [“Feat of Lies” by Mr. Berdyayev] In: Il'in I. A. Sobr. soch. [Dop. T. 6]: Stat'i. Lektsii. Vystupleniya. Retsenzii (1906–1954). — Moscow. — S. 152–156. — (In Russian)
5. Losskiy N. (1978) Filosofiya N. Berdyayeva [Philosophy of N. Berdyayev] In: Vestnik RKHD. — Parizh. — № 124. — S. 89–108.
6. Solonevich I. (1978) Vopros o blevotine [The question of vomit] In: Solonevich I. Kommunizm, natsional-sotsializm i yevropeyskaya demokratiya. — Moscow. — S. 133–142. — (In Russian)
7. Solonevich I. L. (1956) Diktatura sloya [Dictatorship of the Layer]. — Buenos-Ayres. — 176 s. — (In Russian)
8. Solonevich I. L. (1991) Narodnaya monarkhiya [People's Monarchy]. — Moscow. — 512 s. — (In Russian)
9. Solonevich I. L. (2008) Nashi intelligentsia [Our intelligentsia] In: Solonevich I. L. Zagadka i razgadka Rossii. — Moscow. — S. 253–289. — (In Russian)
10. Stepun F. (1925) Po povodu Pis'ma N. A. Berdyayeva. (“V zashchitu khristianskoy svobody” v redaktsiyu “Sovremennyye Zapiski”) [Regarding the Letter from N. A. Berdyayev. (“In Defense of Christian Freedom” to the editors of “Modern Notes”)] In: Sovremennyye zapiski. — Parizh. — № XXIV. — S. 304–320. — (In Russian)